

ФЕДЕРАЛЬНОЕ АГЕНТСТВО ПО ОБРАЗОВАНИЮ
ГОСУДАРСТВЕННОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
ВЫСШЕГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ
«ТОМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»
КАФЕДРА ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИИ

ЧЕЛОВЕК – ТЕКСТ – ЭПОХА

Выпуск 3

**Социокультурные аспекты
освоения Сибири**

**ИЗДАТЕЛЬСТВО ТОМСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
2008**

В.М. Кулемзин
ВЛАДИМИР КЛАВДИЕВИЧ АРСЕНЬЕВ
В МОЕМ ТВОРЧЕСТВЕ*

В конце зимы 1951 г., как-то вечером, на коньках, прикрепленных к валенкам, подошел я к школе. Жили мы рядом с ней. Здесь рабочие вносили в библиотеку увязанные в пачки книги. Женщина-библиотекарь развязывала шпагат и группировала полученное. В одной пачке я увидел на переплете книги лес и название «Встречи в тайге». Автором значился В.К. Арсеньев. Я сразу же взял эту книгу. Прочитал, но более не возвращался, запомнив фамилии и имена, которые были не менее экзотические, чем далекий Уссурийский край: Чжан-Бао, Дерсу Узала, Чан-Лин.

Прошло несколько лет. Однажды в сельской библиотеке с. Чумай краем уха я уловил разговор старшеклассников. Говорил Николай Копылов: «Самая хорошая книга – «В дебрях Уссурийского края» Арсеньева».

Не знаю почему, но я даже не спросил, есть ли эта книга здесь и можно ли ее взять. Прошло еще несколько лет. Однажды осенью 1955 г. в местной библиотеке с. Усть-Серта попала мне в руки «Сквозь тайгу» того же самого В.К. Арсеньева. Придя домой, я почти до конца прочитал ее, сидя на бревнах у себя во дворе. Мне обидно стало за автора той книги, потому что ее оценивал М. Горький. Мне показалось, что, наоборот, В.К. Арсеньев должен был дать оценку творчеству Горького.

Когда я стал этнографом-профессионалом, мне удалось прочитать всего В.К. Арсеньева. Книгу «Дерсу Узала. Сквозь Тайгу» мне

* Работа выполнена при поддержке РГНФ, проект № 05-01-01398а.

подарили в день рождения в 1973 г. К этому времени я имел уже немалый экспедиционный опыт, публикации, вскоре была защищена диссертация. У меня были проводники и переводчики, но чем богаче становился мой практический опыт, тем сильнее была тяга к этой книге. Без преувеличения на сей момент, читал я ее несколько сотен раз, сопоставляя «своих» проводников с героями В.К. Арсеньева. Основную часть публикаций, посвященную исследованию творчества В.К. Арсеньева, я также прочитал. Лучшим из этих исследований я считаю монографию А.И. Тарасовой «Владимир Клавдиевич Арсеньев» (М., 1985) и публикацию Бориса Сумашедова в газете «Советская культура» за 18 марта 1989 г. «Тропую Арсеньева». Оказался я в личном знакомстве с А. Сем, работавшим с архивом В.К. Арсеньева, и с А.Н. Липским – «этнографом с дулом пистолета», как его называли в 1920-е гг., противодействовавшим путешественнику.

Не скрою, уже давно, но не сразу, для себя я стал отмечать уязвимые места Арсеньева как стилиста. Их нельзя обойти, чтобы приступить к главному – к достоинствам.

Недостатки, о которых пойдет речь, относятся и к другим произведениям и публикациям писателя, поэтому я буду вести речь об одной книге «Дерсу Узала. Сквозь тайгу» (М.: Мысль, 1972). Здесь явно недостает редакторской и корректорской правки. Она была крайне необходима, потому что сам автор не определился с характером стиля. Что это: художественное произведение, репортаж с места, научный отчет или путевые заметки?

Более всего стиль соответствует требованиям научного отчета, так как художественное творчество не терпит специальной терминологии: «Терраса реки Такунчи слагается из глинистых сланцев... с обнажениями весьма древних конгломератов. Далее с левой стороны идет акмуровидный гранит с плитняковой отдельностью...» (С. 85). «Сопки состоят из базальтов с резко выраженной флюидальной структурой и листоватую сфероидальную отдельностью» (С. 66); «...андезит... дацит тридимитом и кремнистые сланцы. Близ устья реки горы состоят из кварцевого порфирита и плотной грейзеноподобной породы» (С. 111).

Описывая флору окрестностей залива Рында (С. 13), Владимир Клавдиевич ставит под номерами названия растений.

На всем протяжении книги часто встречаются такие нехудожественные фразы, как путь преградила упавшая «береза Эрмана»,

«вейник Лангсдорфа», поваленный бурей «тополь Максимовича» и т.д. Описывая реки, автор книги приводит данные, которые представляют интерес для специалистов, но затрудняют чтение текста, если его воспринимать как художественный.

Если столь детальное описание воспринимать как научный отчет или, во всяком случае, как краткую геологическую, топографическую, географическую характеристику, то этому не находят соответствия удачные художественные сравнения и образы. Таких мест не очень много, но они заметно оживляют и украшают повести и рассказы В.К. Арсеньева. Взять хотя бы описание случайной встречи с китайцем-отшельником, который из-за семейной ссоры покинул в молодости отчий дом и несколько десятилетий прожил на реке Такеме: «...на краю полянки я заметил маленькую кумирню, сложенную из накатника и крытую кедровым корьем. Около нее стоял на коленях старик и молился. Старик снял с левой руки деревянный браслет и, подавая мне, сказал: «Возьми, капитан, он принесет тебе счастье». После этого старик сделал земные поклоны на все четыре стороны и стал прощаться с сопками, фанзой, ручьем, который утолял его жажду. Ли Цун-бин обратился с трогательной речью к листовницам. Он сказал, что посадил их собственными руками, и на его глазах они стали большими деревьями. Старик стал увязывать котомку и собираться в дальнюю дорогу на свою родину, чтобы примириться со своим братом, если он жив, и там окончить свои дни».

К удачным местам книги можно отнести описание переправы на плоту через Такему, своеобразное свидание Дерсу со своими родными, которые были на «том» свете, передачу им через огонь самого необходимого.

Много в книге лишнего, не имеющего отношения к общему содержанию (например, то, что, в отличие от прошлой экспедиции, на сей раз был взят бурав диаметром 8 мм; порядок построения пяти миноносцев (С. 10); в самом начале экспедиции упоминались какие-то безликие, не представленные читателю П.Г. Тигерстедт и А.Н. Пель. Странно и то, что сбор в экспедицию начался в середине мая (С. 6), а в апреле все было закончено (С. 8).

Много имеется стилистических и грамматических ошибок: фонограф назван фотографом (С. 222); кедровое корье названо кольем; вместо «смочил пальцы водкой» написано «помочил» (С. 31). Таких ошибок очень много, и даже неясно, кому они принадлежат –

автору или наборщику текста. На некоторых страницах повторяется одно и то же слово. «Он» и «они» на с. 31 встречается 19 раз. Отдельные места вовсе неинформативны: «Я хотел спуститься по реке Кулумбе до того места, где в прошлом году нашел удэгейцев» (С. 48); или «Я занялся обследованием окрестностей, где в прошлом году произошла встреча Дерсу с хунхузами» (С. 17).

Не принято в художественном изложении ставить под номерами явление, события, вещи, а также давать в метрах, сантиметрах, килограммах и вообще количественную характеристику описываемым предметам. Как раз это допустимо в научном отчете. Например, рассказывается, что Н.А. Десулави обратил внимание на следующие растения: «1) астру... 2) особый вид астрагала... 3) живокость...» (С. 13, 14). Всего приведено семь номеров.

Во многих случаях писатель начинает предложение с союзов «И», «А», «Но», «Да», «Или», «Поэтому». Имеются и другие нарушения общепринятых правил изложения текста. Короче говоря, стиль – не стезя В.К. Арсеньева, поэтому я перехожу к тому, чем же он привлекателен, и не только привлекателен, но и бесценен, оригинален, неповторим.

Любой исследователь-этнограф знает, что с течением времени одни теории теряют свое значение, предаются забвению, а другие появляются, формируются, приходят на смену забытым. Однако факты, на которых строятся эти теории, остаются непреходящими, потому что сам факт – неопровержимое доказательство. Именно по этой причине, если нет общей теории, доказательством выступают сами факты. Этнография пока является эмпирической наукой, поскольку не базируется на выработанных ею законах, в отличие, например, от физики или лингвистики. В.К. Арсеньев смог с фотографической точностью передать детали культуры аборигенов Уссурийского края, привести примеры, характеризующие их мировоззрение. Я имею в виду мировоззрение в широком смысле слова, как суммарное представление о мире, а не только как фетишистское, анимистическое, православно-христианское или научно-материалистическое. Во многих дискуссионных случаях, когда сталкиваются взаимоисключающие точки зрения, пример, приведенный В.К. Арсеньевым, является ключом к правильному пониманию этнографических реалий.

Столь убедительных примеров не приводят даже такие этнографы-профессионалы, как Л.Я Штернберг, В.Г. Богораз, В.В. Радлов.

Для себя я объясняю большую удачу тем обстоятельством, что у В.К. Арсеньева с Дерсу были приятельские отношения. Два качества – наблюдательность В.К. Арсеньева и симпатии к Дерсу обеспечили успех. Я пришел к твердому убеждению, что только положительное отношение к народу-носителю культуры дает возможность правильно описывать и направлять по верному пути исследование. Я возьму лишь несколько показательных эпизодов. В.К. Арсеньев много раз акцентирует внимание на том, по его словам, первобытном коммунизме, который красной нитью проходит во всех действиях Дерсу. Остановившись на ночлег в семье старовера, Дерсу и В.К. Арсеньев обратили внимание на бедность и большое количество детей. Утром Дерсу пошел на охоту и, добыв оленя, попросил у Владимира Клавдиевича лошадь для доставки мяса, которое он поделил поровну между старовером-хозяином и его такими же бедными соседями.

В.К. Арсеньев не ставил своей задачей совершенствование методики этнографической науки, однако эта задача им была решена.

Этнографы высказывают разные предположения относительно того, как и каким образом душа человека в древнем мировоззрении превращается в животное, насекомое, птицу и каким образом она себя проявляет после этого превращения.

В.К. Арсеньев приводит следующий пример. Дерсу видел накануне во сне свою жену и детей, которые были голодны и зябли от холода. Они просили передать им еды и теплой одежды. Дерсу недалеко от лагеря развел небольшой костер, в который бросил кусок ткани, мясо, рыбу, спички. Так он послал в потусторонний мир все необходимое. После этого он стал внимательно прислушиваться к ночным звукам и, услышав крик птицы, отозвался сам: «Это ханяла [т.е. душа. – В. К.], – сказал Дерсу. – Моя думай, это жена. Теперь она все получила».

В другом месте В.К. Арсеньев описывает, как усердно ловил и наконец поймал пролетевшего мимо бивака жука бронзовку проводник Мулинка. По верованиям удэгейцев, этот жук не что иное, как душа лося. Спутники Арсеньева объяснили появление лося близ бивака именно тем обстоятельством, что зверь бродил в поисках своей души (С. 263).

Много примеров автор приводит тому, что, с точки зрения Дерсу, все окружающее, т.е. вода, земля, лес, принадлежит всем, но никому в отдельности. Если стоят в определенных местах удэ-

хейские ловушки, то это означает, что сейчас она – удэгейца-соболевщика. Когда промысловый сезон закончится и ловушки будут сняты, «исчезает» и «хозяин» территории. Об этнопоказательном (этноразличительном) характере вещей, в частности ловушек, говорят следующие факты. Звероловные ловушки различаются как по конструкции, так и по способу настораживания. Дерсу знал, что удэгейцы ставят по-своему, корейцы – по-своему, китайцы – по-своему, гольды – по-своему. По ловушкам видно, кто и как охотится и какая территория не занята никем. В.К. Арсеньев обратил внимание на то, что приезжие русские старообрядцы не имеют традиций изготовления ловушек и, пользуясь отсутствием частной собственности на землю, настораживают ловушки без всякого разбора: корейские, удэгейские, китайские – в любом удобном для них месте.

В.К. Арсеньев акцентирует внимание на взаимопроникновении культур, культурных традиций. Так, описывая обитателей фанз на реке Такеме, исследователь отмечает, что коренное население живет в фанзах китайского типа, зимой занимается соболеванием, а летом земледелием, многие умеют делать лодки и лыжи, говорят по-китайски, но счет ведут на своем языке. Кстати, из своей полевой практики я сделал заключение, что ханты, говорящие по-русски, счет ведут на своем языке, чтобы скрыть от скупщиков и сырьевщика-заготовителя количество имеющейся пушнины. При утрате языка система счета исчезает последней.

Редко кому из исследователей удавалось наблюдать шаманский сеанс полностью, от начала до конца и со всеми атрибутами. В.К. Арсеньев сделал подробное описание камлания сразу четырех шаманов – двух орочей и двух удэгейцев, камлавших последовательно – от самого слабого до самого сильного. Для науки представляет это большую ценность, особенно семантика одежды и бубна. Столь детальное описание в свое время было сделано и М.Б. Шатиловым у хантов. Теперь их сравнительный анализ помогает вскрыть генезис и пути эволюции религии и культуры, истории расселения народов.

В.К. Арсеньев приводит очень много бесспорных сведений о том, что общее благополучие человека, по мнению аборигенов, зависит от отношения к нему животных, деревьев, реки, водопада, духов и божеств, но это отношение строится на паритетных началах, где человек не возвышается над природой: он уравнивается с окру-

жающим миром. По верованиям удэге, существующий невидимый дух «какзаму» есть хозяин всех муравьев, муравейников. В одном месте В.К. Арсеньев увидел, что муравейник с одной стороны был разрыт, хотя никаких следов животных не было. Владимир Клавдиевич слегка коснулся муравейника, и последующее недоумение спутника исследователя – Гобули – аборигены объяснили именно этим обстоятельством.

Интересные примеры приводит В.К. Арсеньев об эмоциональных проявлениях и реакциях у аборигенов. Описывая чувство страха у Дерсу, он приводит такой случай. Дерсу совершенно случайно встретился с тигром и обратился к нему с речью, чтобы тот уходил. Однако тигр не двигался с места, а продолжал рычать и бить себя хвостом. Дерсу решил испугать его выстрелом, после чего зверь бросился в кусты. Дерсу спокойно продолжал свой путь, не испытывая никакого чувства страха. Через несколько дней Дерсу возвращался своим же путем и наткнулся на убитого им тигра. Дерсу охватил страх, потому что душа тигра, которого Дерсу вовсе не хотел убивать, могла отомстить.

Точно так же аборигены, по словам В.К. Арсеньева, испытывали чувство страха перед пустотелыми березовыми стволами. По их мнению, эти «футляры» есть одежда лесного духа «какзаму».

В.К. Арсеньев приводит множество и других примеров, которые наглядно демонстрируют, что в основе поведения лежит мировоззренческий фактор.

В литературе, часто даже специальной, распространено мнение, согласно которому носители традиционной культуры слишком похожи друг на друга благодаря так называемому коллективному сознанию. В.К. Арсеньев, вероятно, не был знаком с работами Э. Дюркгейма и его сторонников, однако он дал полную характеристику своим спутникам орочам, подчеркнув существенные особенности характера каждого, порой взаимоисключающие черты (С. 237). Это имеет значение не только для этнографии, но и для религиоведения, культурологии.

Когда писатель дает подробную характеристику тому или иному герою, рассеивается впечатление о том, что Дерсу Узала – это единственный уникальный человек среди нанайцев, умеющий по едва заметным следам восстановить картину прошедших событий. Так, В.К. Арсеньев пишет: «Вернувшись из разведки, Намука сообщил, что нашел бивак двух русских, которые приходили сюда

позапрошлой зимой. С ними была собака, которая пропала в тайге. Потом один человек заболел, а другой ходил на белкование, но охота была неудачной. Когда кончились запасы продовольствия, они сделали грубые нарты и ушли на реку Хади. Часть имущества они сложили в лабаз и хотели следующей зимой сюда вернуться, но этого не получилось» (С. 250). Здесь же В.К. Арсеньев описывает путешествия еще троих своих спутников, ушедших на целый день на разведку. Все они вернулись к биваку в назначенное время уже в глубоких сумерках. Писатель акцентирует внимание на способности к пространственной ориентации обитателей лесов.

В научной литературе распространено мнение, что человек традиционной культуры столь консервативен, что не способен на действия, выходящие за рамки традиции. В.К. Арсеньев приводит очень большое количество примеров изобретательности Дерсу, которая помогала ему в самых сложных ситуациях. Так, например, было осенью на озере Ханка, когда во время сильного снегопада Дерсу поставил треногу от теодолита и, накрыв ее нарезанной осой, соорудил своеобразное жилище. В другой раз он сделал из бересты зонтик, который во время дождя держал над планшетом Владимира Клавдиевича.

Однажды, чтобы в плотной небольшой палатке не было душно, он под вход в нее подсунул дуплистое бревно. Нанайцы-охотники довольно быстро нашли смазку для ружей: ею оказался растопленный жир из берцовой кости оленя. Я могу привести множество примеров из своей практики. Это опыт хантов, манси, селькупов, ненцев, шорцев.

В.К. Арсеньев внес очень большой вклад не только в отечественную, но и в мировую этнографию, обогатив ее бесценными материалами.